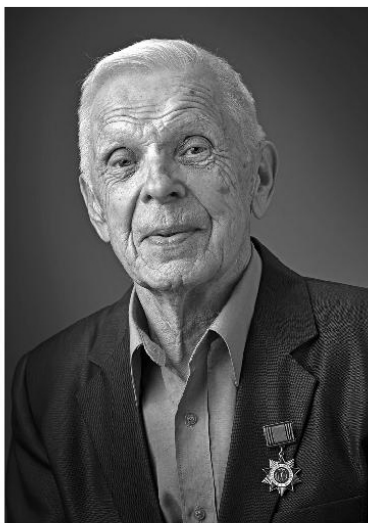

Иовлева я знаю давно...

Благородный муж знает о своём превосходстве, но избегает соперничества. Он ладит со всеми, но ни с кем не вступает в сговор.

Конфуций

Итак, Вячеслава Фёдоровича Иовлева я знаю давно. 60 лет назад он появился в институте НИИКМА, где к тому времени работал и автор этих строк.

Но пусть читатель не думает, что сейчас я погружусь в свои о нём или в его о себе долгие воспоминания. Потому что, во-первых, хоть мы и работали долгое время в одном институте, но – в разных отделах, и наши совместные «творческие изыскания» не шли дальше совместной прополки моркови или свеклы в каком-нибудь подшефном колхозе летом и уборки этих же культур осенью. А во-вторых, Вячеслав Фёдорович и сам нередко выступает в городской газете «Новое время». Пишет о себе и о своих подопечных – любителях бега, «моржах», бабушках со шведскими палочками в руках. И о своём детстве он тоже сам рассказал в недавно вышедшей книге «Безотцовщина. Рассказ очень грустный».

Что же тогда заставило меня сегодня «взяться за перо»? Давно стал я ловить себя на мысли, что в чём-то Вячеслав Фёдорович является для меня загадкой, что чего-то я, как говорят сегодня, «не догоняю». Первый раз такое чувство появилось уж не помню когда, да это и неважно. Во всяком случае, лет 40–45 назад. Помню, выглянул я как-то поздним вечером из окна своего дома (ул. Победы, 48), а во дворе, можно сказать, в темноте (освещение шло только от окон) пацаны снуют туда-сюда, и с ними кто-то взрослый. Присмотрелся – Иовлев! Тянут они через окно чьей-то квартиры резиновый шланг и начинают что-то поливать. Различаю, от земли пар пошёл. Неужели – каток во дворе?! Точно! Жене говорю: «Это ж какую охоту надо иметь!». Это я об Иовлеве.

Да что там каток детский! Помню, как он бежал и суегился, когда загорелся идеей построить во дворе НИИКМА спортзал. И построил! Не один, конечно, но привлёк к этой идее самого директора, а с его помощью и других сотрудников института. Одержимый был. И клуб любителей бега (КЛБ) тоже его детище. И гимн клуба написал, и красивая эмблема – тоже его работа!

Или вот, скажем, та же прополка свеклы или моркови. Выеззут, бывало, нас, научных сотрудников, автобусами в поле, расставит агроном всех по рядкам, а другого конца рядков и не видно. Пока дойдёшь до конца в полусогнутом положении, то тыпкой работая, то прорывая руками, да ещё под палящим солнцем, к исходу рабочего дня, кажется, света не взвидишь. Усыдутся все в автобусы – домой, домой! – а кто-то спросит: «Что-то Иовлева не видно. Опять что ли остался?». И кто-то с удивлением скажет в ответ: «Видно, опять ещё один рядок взял. Небось, до захода солнца управится! Где только силы берутся?». (дополнительно прополочные рядки оплачивались колхозом наличными и по коммерческой це-

не). Только вряд ли кто из нас мог тогда даже представить себе, какое удивление ждало нас впереди. Потому что как-то, помню, пронёсся в коллективе слух, что младший научный сотрудник Иовлев по договору с колхозом взялся прорвать и прополоть целых 3 гектара (!) сахарной свеклы. Взясля и – сделал! Три гектара – за девять дней! Даже работавшие в поле гуцулы, нанятые колхозом специально для этой работы, дивились этому чуть ли не подвигу. И хоть сам он, по его словам, и получил в конце лета десять мешков пшеницы, три мешка сахара и ещё сколько-то масла и денег, никто бы из нас не повторил такого и за сто мешков.

Ещё удивляла меня его игра в шашки, которая в те годы как-то неожиданно прижилась в НИИКМА и стала особенно распространённой. Между отделами, лабораториями устраивались соревнования. Быстро определился тогда и лидер личного первенства – конечно же, наш герой. А меня удивляла не сама его игра – передвижение по доске шашек, то есть выбор того или иного хода, – а равнодушное выражение его лица. Как будто ему совсем не интересно, как сыграет сейчас его противник. Без каких-либо эмоций делал ответный ход, словно заранее знал о своей победе. А может, в это время он вспоминал своего деда, который в далёкие военные годы коротал с ним на Урале вдвоём в путевой железнодорожной будке долгие зимние вечера. Без электричества, без радио и, естественно, без телевизора. И чтобы внук не скучал, нарезал однажды ему из обыкновенного тальника «шашки», расчертил на клетки кусок доски и показал, как играть. На свою голову! Через несколько партий ученик легкого обыгрывал учителя. То же повторилось потом в интернате, где он учился, и – позже – в Свердловском горном институте. И теперь вот – в НИИКМА. Ну, а в целом впоследствии мой герой был по шашкам 11 раз чемпионом нашего города и даже случалось быть чемпионом области. И ещё, наконец: вот уже несколько лет в нашем городе традиционно проводятся соревнования сильнейших губкинских спортсменов по русским шашкам на Кубок В.Ф.Иовлева!

Пусть читатель извинит меня, что, взявшись написать о человеке, мало касаюсь его детства. Причина тому – трудно в небольшой рассказ втиснуть чью-то жизнь длиной 85 лет. А если вкратце, то: представьте мальчишку, отданного ещё младенцем на питание деда с бабкой. Время военное, голодное и холодное. Урал. Отец репрессирован и расстрелян как «враг народа» ещё в 1937-м... Мать где-то далеко устраивает себе новую семью, но раз в год навещается к сы-

ну, которому даже не говорят, что это его мать. Много позже внук будет вспоминать: «Всю свою жизнь дед работал на железной дороге. За свой труд был награждён орденом Трудового Красного Знамени... Мотался с дедом по путейским будкам и казармам... Ели мы один раз в день, где-то часов в шесть вечера. Бабка ставила на стол чугуночек с варёной картошкой в мундире. Раздавала: мне одну, себе две, деду 4-5 штук. Я вставал, благодарил, пожимая руки, и уходил за занавеску на деревянный ларь спать. Картошку съедал в два этапа: очищал, ел, очистки собирал и попозже, когда очень есть хотелось, их доедал... В интернатах я провёл почти все школьные годы. Там была особая атмосфера, мы были представлены почти сами себе... Днём с соседскими пацанами по казарме ходили в лес, искали поесть кислицу, конский щавель. По весне в пашне мэзрую картошку собирали. Ели лебеду, крапиву, лопух... О том, что я внук бабушки, а не сын, я узнал лет в 15, случайно подслушав разговор её с другими людьми. Она им хвасталась: «Внучек у меня золотой!»... Ну, и т.д. Грустный рассказ. Познакомьтесь с ним поближе можно, взяв в библиотеке книгу «Безотцовщина».

Но больше всего для меня загадкой в этом человеке была его способность спокойно преодолевать во время всяческих спортивных соревнований марафонские дистанции. То есть – с каким-то присущим только ему выражением полной обыденности совершаемого. Будто прогулялся решил! Я даже раза два «подкапывался» к нему, пытаюсь выведать, в чём секрет его такой физической выносливости. Припомнил ему и колхозные «рядки» вместе с тремя гектарами свеклы, и многочисленные марафоны, и многолетние моржевания в извещном в нашем городе клубе «Самокал». Увидев его однажды идущим по городу, решил догнать, тоже идя шагом. Мне это не удалось. А ведь он никогда не спешил, это был его обычный шаг. Я понял это, когда окликнул его, и потом мы стояли и какое-то время просто разговаривали. Я даже поведал ему, как в моём детстве жила в моей деревне Лебеда соседка – молодая девка. Про неё говорили, что за нею на работе «никакой мужик не угонится» хоть в поле, хоть дома на огороде и что она – двужильная. А когда она умерла, у неё, оказалось, три почки были. Третья, правда, недоразвита. «Может, – говорю, – и у тебя три почки?» Нет. Тогда что? «Может, – говорю, – тебе надо было по жизни идти не в науку, а в большой спорт?». Тоже – нет.

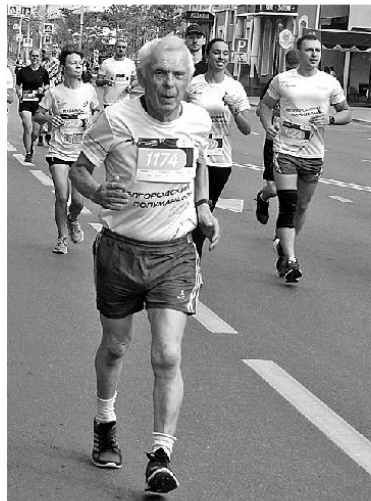
– У меня, – говорит, – самый ненавистный предмет и в школе, и в институте была физкультура (!). У природы не хватило на меня крепкого физического материала, пришлось в одиночку многое преодолевать, брать терпением...

– В твоих воспоминаниях, – говорю, – в «Безотцовщине» есть такие слова: «...Но никто не знает, на чём на самом деле держится вот эта русская душа!». Ведь ты имел в виду себя. Так на чём она держится?

– Только на терпении! В моей семейной жизни и на трудовой стезе было много драматичного. Дважды женат. От первого брака дочь, от второго, когда связал свою жизнь с женщиной с ребёнком, тоже дочь. К горю моему она ушла преждевременно из жизни. Многое не удалось осуществить на трудовом поприще, хотя стаж уже более 60 лет и до сих пор работаю на разных работах. Видимо, отсутствие твёрдой мужской опоры и тёплой материнской ласки наложило свою печать на мою жизнь. Учёсь многому у других. Стараясь отплатить всей душой людям за то, что живу. Стараясь, так сказать, внедрять в сознание людей идеалы добра и справедливости.

Евгений Прасолов

Фото Сергея Семёнова, Павла Асадиш

«Кросс Белогорья-2021», дистанция 10 км